

Как работает в Шымкенте (Казахстан) институт судебной экспертизы.

«Наш институт – это территориальное подразделение Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, – рассказывает директор института Амангельды Аликешев, – в нашем институте проводится 17 видов экспертиз по 33 экспертным специальностям».

Славное создание девичьего пола родилось в Сарыагаше в марте 2014-го. Ровно через полгода уставшая от безденежья мама собрала необходимые документы для иска в суд. Отец малышки не то чтобы просто не платил алименты на ребенка – мужчина со всей ответственностью заявлял, что никогда не видел даже её матери. Непонятно ему, с чего это вдруг незнакомая тётка начала претендовать на родство с ним, да ещё и ребенка пытается навязать...

Что произошло между этой парой на самом деле – не знает никто, даже суд, который рассматривал иск родительницы девочки. Но образцы генетического материала, несмотря на «глухой отказ» предполагаемого отца, были всё-таки по решению суда взяты и отправлены в институт судебной экспертизы Южно-Казахстанской области. Генетики дали своё заключение – совпадение ДНК малышки и её отца – 99,9999. Уже на суде память к «осеменителю» вернулась, мужчина оказался не против содержать маму и ребенка, тем более что и сарыагашский районный суд вынес такой вердикт. Правда, папе вменили и расходы на генетическую экспертизу – по иронии они повторяют цифры совпадения ДНК – незадачливому папаше придется выплатить 99999 тенге...

В неприметном шымкентском здании внутри квартала на улице Туркестанской и решилась судьба сарыагашской малышки. И хотя специалисты-эксперты утверждают, что результат экспертизы не доказательство вины, а имеет только косвенное ко всему отношение, мы-то с вами, простые обыватели, знаем: результаты экспертизы могут сыграть решающую роль...

Институт экспертизы – объект режимный: вход только по пропуску и с обыском, выход – только по спецразрешению. Это не то место, где каждый желающий может спокойно разгуливать по коридорам. А самим экспертам некогда – их на всю область всего 38, а количество назначенных экспертиз ежегодно переваливает за пять тысяч.

«Наш институт – это территориальное подразделение Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, – рассказывает директор института Амангельды Аликешев, – в нашем институте проводится 17 видов экспертиз по 33 экспертным специальностям и действуют три лаборатории исследований: криминалистических, химико-биологических и специальных исследований. Мы проводим и судебную почерковедческую экспертизу, техническую экспертизу документов, трассологическую и баллистическую экспертизы, пожаротехническую и взрывотехническую экспертизы. Наши специалисты могут определить стоимость объектов недвижимости, земли, сличить голоса людей при наличии аудиозаписи, естественно, определяют и принадлежность голоса определенному лицу. В одной из лабораторий можно восстановить картину аварии на дороге, определить состояние психики человека в момент совершения преступления или во время трагедии. Определение вида наркотиков, прекурсоров, ядов – тоже наша специализация...»

Амангельды Измуханович любезно согласился на мою просьбу об экскурсии по лаборатории, правда, улыбнувшись, пожал плечами: ничего особенного увидеть не рассчитывай.

И первым делом я «поцеловала» опечатанную дверь производства судебно-экспертных молекулярно-генетических исследований. Эх... Именно за этими дверями специалисты-генетики «нашли» нашей саарыагашской героине отца.

Познакомиться с генетиками не удалось, пусть это будет тема следующего материала – специалисты уехали в Минск учиться и обмениваться опытом. В институте судебной экспертизы так заведено: один раз в год в обязательном порядке – обучение и стажировка экспертов отдельных профилей в разных странах мира.

Что ж, отправляюсь дальше по тихим коридорам в сопровождении эксперта (одну погулять все равно никто не отпустит).

«Лен, если ждешь каких-то интересных случаев, чтобы, вау (!), чтобы аж сенсация, – не дождешься. Все случаи нашей экспертизы – тайна следствия, – улыбается сопровождающий эксперт Виолетта Ларшина, – так что никто ничего рассказывать не будет. Да и нечего особо. Мы же не знаем конечного результата следствия, решения суда. Там, где нет логического завершения истории, не может быть и начала, которого мы, кстати, тоже не знаем. Эксперту предоставляют материал для анализа, он выносит заключение – и все».

Так прозаично началась моя экскурсия по институту судебной экспертизы ЮКО. Оторванных рук-ног, собранных по кусочкам тел и огнестрельных отверстий с запекшейся по окружности кровью я (как и предполагалось) действительно не увидела. Патологоанатомы относятся к совершенно другому ведомству. Но несколько минут я побыла экспертом-лингвистом и на минутку заглянула в святая святых трассологов – огромный микроскоп, где программа сводит воедино гильзы от патронов, определяя причастность оружия к преступлению. Рутинная работа, а знаете, дух захватывает.

«Смотри внимательно, – объясняет Жанболат Рахимбаев, главный эксперт баллист-трассолог, – в наличии есть гильза и оружие убийства. Мы отстреляли из этого пистолета ещё несколько патронов, теперь надо сличить. Гильзы могут деформироваться как угодно, но след от бояка всегда одинаковый...»

На мониторе компьютера изображения двух разных на вид гильз медленно «съезжаются» в единое изображение. Середина, а именно там следы от бояка – становится единым целым. Значит, именно из этого пистолета стреляли в момент преступления.

«Мы проверяем наличие следов оружия на одежде, на рубежах стрельбы, – поясняет баллист-трассолог, – на любом предмете оружие оставляет свой след. Конечно, у каждого следа свой срок хранения и свой срок выявления. Но когда огнестрел, экспертная группа выезжает практически в тот же день...»

«А следы от оружия на человеке?» – интересуюсь.

«Следы от оружия на человеке – дело патологоанатома», – мрачно шутит Жанболат.

В кабинетах экспертов тихо так же, как и в коридорах. Комнаты под завязку заставлены оборудованием, причем, по мнению самих сотрудников, «очень даже последнего поколения» – за поставками и инновациями следят из центра.

...Эксперт-лингвист Лала Юнусова сосредоточенно наблюдает за почти неподвижной картинкой на мониторе. Скрытая камера, установленная в довольно неудачном месте, снимает собрание неких

личностей. Идет бурное обсуждение. В распоряжении Лалы только голоса – разговор нескольких человек. Задача эксперта – расписать беседу, идентифицировав каждый голос, затем определить его принадлежность конкретному человеку. Периодически Лала переключается на открытый файл и пишет дословное содержание фонограмм. Пока каждая реплика присутствующих обозначается как «Х1», «Х2», «Х3» и так далее, но после завершения экспертизы каждый «Х» получит имя и фамилию.

«Голос можно изменить, – поясняет моя сопровождающая Виолетта, – есть голоса с «маркерами» – дефектами речи, которые удалить невозможно, например, если человек картавит, этого не спрячешь. Изменённый голос – это просто напряжение голосовых связок и ничего больше, ни тон, ни тембр не изменится, конечно, если без вмешательства компьютерных программ. Голос человеку дан один раз вместе со строением черепа. В любом случае обладатель того или иного голоса будет определен с большой вероятностью...»

И все же экспертиза не является основным доказательством преступления, напоминает эксперт. Чтобы доказать вину, необходимо собрать и процессуально подкрепить весь круг доказательств. Но выступление экспертов в суде – дело довольно частое, признаются эксперты. Часто судьи приглашают экспертов прокомментировать заключение, ответить на вопросы, возникающие у сторон.

В кабинетах химико-биологической экспертизы раскрываются тайны ДТП. Побег виноватого водителя с места аварии для Шымкента, согласитесь, явление обычное. Как их находят? Эксперты помогают.

«По лакокрасочным отслоениям, которые почти всегда остаются на месте аварии, особенно, если автомобиль сбил человека, можно определить марку машины, – рассказывают эксперты. – Понятно, что мы не скажем цифр номерного знака, но наше заключение существенно поможет следователям...»

Во время экскурсии познакомилась с филологами и теологом из лаборатории, в которой выносятся заключения по таким статьям Уголовного кодекса, как «Клевета», «Оскорбление», «Угроза убийством» и «Разжигание межнациональной розни». Их конёк: диски, записи, книги, файлы – вся информация, запечатлённая на носителях.

Эксперты-экономисты буквально завалены бумагами с многолетними отчётами фирм и предприятий – в их работе нельзя ошибиться ни на единичку, ни на ноль. Именно их работа выявляет уклонение от налогов, «серую» бухгалтерию и прочие экономические нарушения.

Моя экскурсия подходит к завершению, и последний вопрос, который я задаю эксперту Виолетте Ларшиной, обычный, прикладной: «Кто может обратиться с просьбой об экспертизе?»

– Назначить экспертизу в нашем институте может только суд. В отдельных случаях наши специалисты проводят исследования по адвокатскому запросу. Просто так, с улицы, с просьбой, например, об определении отцовства или подделки подписи к нам прийти нельзя. Кстати, по частным заявлениям могут работать независимые эксперты. Да, такие уже появляются. Если у специалиста есть материально-техническая база для производства экспертизы, он может получить лицензию в Министерстве юстиции и работать по экспертной специальности.

<http://otyrar.kz/2014/11/kak-rabotaet-v-shymkente-institut-sudebnoj-ekspertizy/>